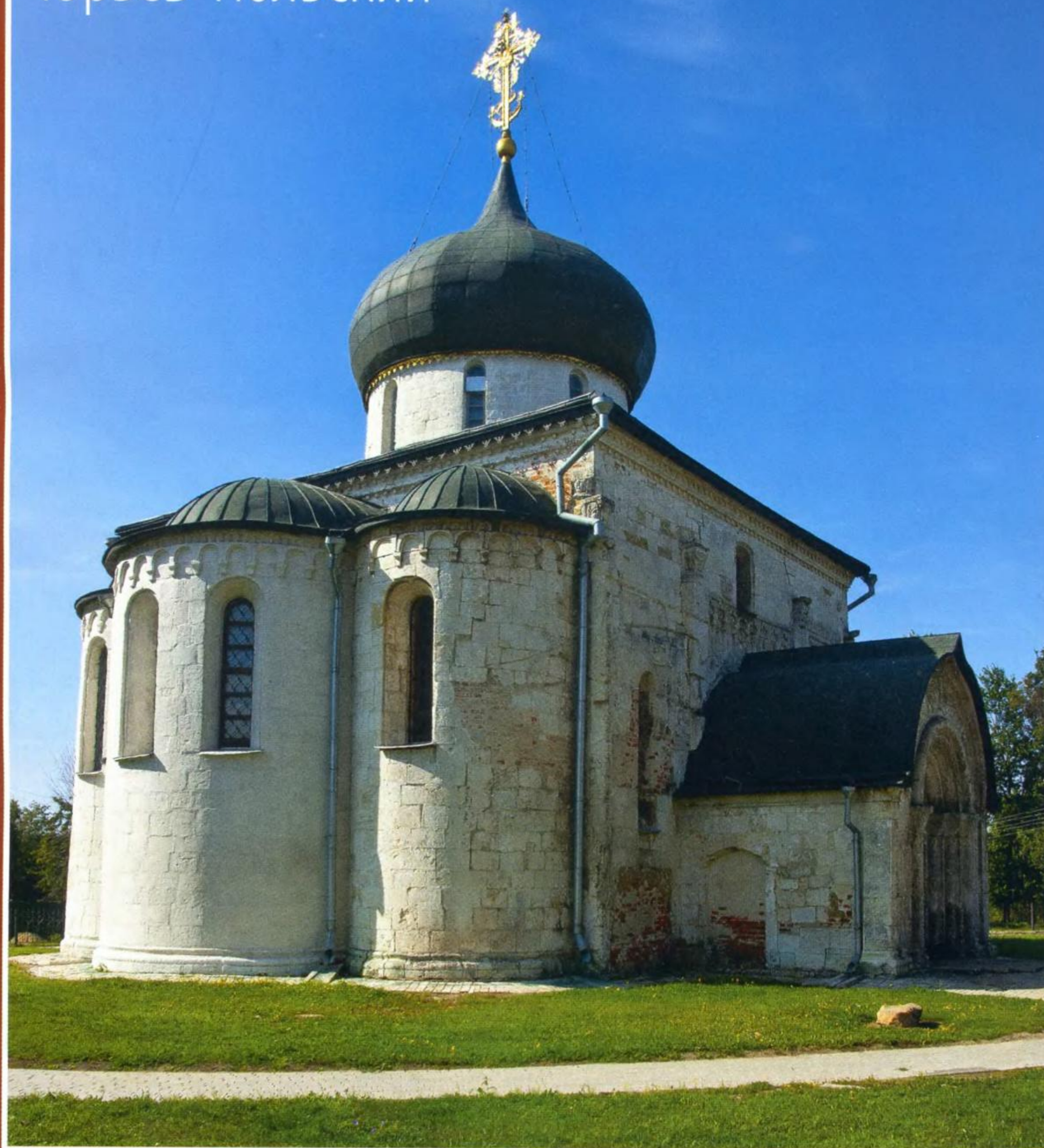
VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

Православные Храмы

путешествие по святым местам



Георгиевский собор
Юрьев-Польский

№ 33

Рождение шедевра

За четыре года до Батыя

Святыни

История одного креста

Современная жизнь

«Невсемирное» наследие

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 14 900 бел. руб., 290 тенге

Еженедельное издание

Оглавление

Эпоха

Перед великой тьмой 3

Рождение шедевра

Лебединая песня 4

Через века

Каменная головоломка 8

Святыни

Святославов крест 12

Облик

Расшифровка 14

Окрестности

Монастыри Ополья 20

Судьбы

Святослав Всеволодович 26

Никон Радонежский 28

Современная жизнь

Гордость и боль 30

«Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Выпуск № 33, 2013
Еженедельное издание

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция:
ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Старший редактор: Дарья Клинг
Фоторедактор: Дарья Соколова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук
Младший менеджер по продукту: Яна Чухиль

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ru**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 105066, г. Москва, а/я 13, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам».
Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ООО «Бурда Дистрибьюшен Сервисиз»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-47591 от 02.12.2011

УКРАИНА
Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес:
01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ua**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в Украине:
0-800-500-8-40

Адрес для писем читателей:
Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Україна, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Министерства юстиции Украины КВ № 18402-7202Р от 07.12.2011

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк», 220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 17 2-999-260

Телефон «горячей линии» в РБ (9:00—21:00 по будням):
+ 375 (17) 279-87-87

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224, ООО «Росчерк», «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 14900 бел. руб., 290 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг», 08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 300 000 экз.

© ООО «Де Агостини», 2012—2013

Текст: Ксения Толоконникова

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 23.04.2013

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 3: (лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (прав.) © Рудольф Кучеров/РИА «Новости»; 4: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 4/5: (на развороте) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 5: © Михаил Кудрявцев/GeoPhoto; 6: (верх) © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 7: © diomedia/SuperStock — Fine Art; 8: © Fine Art/EastNews; 9: (верх) © Rosfoto/Profimages, (центр) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © stargal/Фотобанк Лори; 10: (верх) © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2013/А. В. Теребенин, (низ, обе) © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 11: (лев.) © К. Чепрунов/РИА «Новости», (прав.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 12: (лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (прав.) © Юрий Кавер/РИА «Новости»; 13: © Сергей Ермохин/Агентство «Фото ИТАР-ТАСС»; 14: (верх и низ, лев.) © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (низ, прав.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 15/18: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 19: © Антон Батов; 20/23: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 24: © lana1501/Фотобанк Лори; 24/25: (на развороте) © Сергей Пятаков/РИА «Новости»; 25: (все) © Сергей Пятаков/РИА «Новости»; 26: (верх) © Fine Art/EastNews, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 27: © Ирина Завьялова/Фотобанк Лори; 28: © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2013/Ю. А. Молодковец; 29: (верх) © lana1501/Фотобанк Лори, (низ) © Государственная Третьяковская галерея, Москва; 30: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 31: (верх) © Антон Батов, (низ, обе) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини».

Съемка Георгиевского собора и Михайло-Архангельского монастыря в Юрьеве-Польском выполнена на территории Юрьев-Польского историко-архитектурного и художественного музея.

Уважаемые читатели! Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

Перед великой тьмой

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском — последний памятник белокаменного зодчества Владимирской Руси в ее «домонгольском бытовании». Он освящен всего за три года до вторжения Батыя в пограничное Рязанское княжество.

События эпохи

1223 Сражение объединенных русско-половецких сил с монголо-татарским войском при реке Калке.

1226 Тевтонский орден начинает завоевание земель литовского племени пруссов, подвергая их нещадному истреблению.

1227 Смерть Чингисхана. Монгольское царство поделено между его сыновьями.

1233 Римская курия учреждает инквизицию.

1234 В Юрьеве-Польском освящен Георгиевский собор.

1236 Поход Батыя против волжских булгар.

1237 Начало нашествия монголо-татар на Русь. Разорение Рязани Батыем.

1238 Разорение Владимира монголо-татарами. Поражение русских войск на реке Сити.

1240 Монголо-татары обкладывают русские земли данью. Дань будет выплачиваться до 1480 года, и этот период получит в отечественной историографии наименование «монголо-татарского ига».



▲ *Разорение Рязани Батыем. Миниатюра из Лицевого летописного свода.*

Нельзя сказать, что беда пришла неожиданно. Еще в 1223 году соединенное русско-половецкое войско потерпело сокрушительное поражение от монголо-татар в битве при реке Калке. Но тогда, совершив более чем успешную «разведку боем», грозные «сыны степей» отказались от своего первоначального плана — идти на Киев. И до времени монголо-татарская угроза отступила. Увы, ненадолго.

▼ *Южный портал Георгиевского собора.*



Поведение русских князей в годы, предшествовавшие монголо-татарскому нашествию, из XXI века видится уникально-легкомысленным. Меж ними продолжались усобицы, и даже тревожные сообщения с юго-восточных границ, начавшие поступать уже с осени 1236 года, не принудили их сделать выводов. На что надеялись они? На свои ли дружины? Да, они представляли собой превосходные отряды, но их численность не превышала нескольких сотен человек, а Батый вел от тридцати до сорока тысяч воинов. Или на крепкие стены своих городов? Но монголо-татары имели первоклассную осадную технику.

Нелепо теперь выискивать исторические вины и ошибки Рюриковичей. Как бы ни было, в конце декабря 1237 года пал первый русский город, стоявший на пути Батыя, — Рязань. Одинокие в своей борьбе (ни Михаил Черниговский, ни Юрий Владимирский не прислали подмоги), рязанцы продержались шесть дней и были почти поголовно истреблены. Эта же участь ожидала и многие другие города и веси Руси.

Лебединая песня

Н. Н. Воронин называл собор Юрьева-Польского «лебединой песней владимиро-суздальского искусства». Блестящую эпоху белокаменного зодчества ждало в скором будущем насильственное завершение, и в этом контексте дивная резьба Георгиевского собора обретает новое звучание.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, равно как и сам Юрьев-Польский (или Польской), явился на свет благодаря князю Юрию Долгорукому. Кстати, оговоримся сразу, дабы не возникало никаких двусмысленностей: Юрьев-Польский, конечно, не имеет никакого отношения к Польше. «Польским» новый княжеский городок назвали ради отличия его от уже существующих Юрьевых — того, который ныне Тарту, и того, что теперь именуется Белой Церковью. Преимущественно безлесная местность, где князю заблагорассудилось поставить крепость, уже в те времена называлась Опольем, благодаря чему Юрьев и получил свою «фамилию».

Из летописей узнаем, что «в лето 6660 (1152)» князь Юрий «заложи и созда град во свое имя и церковь в нем постави соборную каменную во имя святого великомученика Георгия».

Судя по сохранившимся памятникам строительного усердия Юрия Долгорукого (Спасский храм в Переславле-Залесском и Борисоглебский в Кидекше), первый Георгиевский собор имел очень простую конструкцию (кубический объем, одна глава, четыре столпа) и суровую внешность. Простоял он недолго. В 1230 году внук Юрия князь Святослав Всеволодович разрушил дедову церковь, так как она, по свидетельству летописи, «обветшала и поломалася» (вполне может быть, что это свидетельство есть некая попытка оправдания, поскольку и Спасский, и Борисоглебский храмы Юрьевой постройки худо-бедно «продержались» до нашего времени).



Приблизительная реконструкция Юрьев-Польской крепости с собором, основанной Юрием Долгоруким. Макет представлен в экспозиции местного музея.



«СОЗДА ЦЕРКОВЬ ЧУДНУ ЗЕЛО...»

Останки первого Георгиевского собора не изучены в должной мере по сей день — вплоть до неустановленности места, на котором он стоял. Иные авторы, опираясь на данные предварительных археологических исследований и имеющиеся сведения о строительной традиции XII—XIII веков, говорят о том, что суще-





▲ *Построенный Юрием Долгоруким Спасский собор Переславля-Залесского. Вероятно, первый Георгиевский собор имел схожий с ним облик.*

◄ *Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Восточный фасад.*

ствующий ныне собор выстроен на фундаменте своего предшественника. Другие же полагают, что старый собор находился несколько поодаль от нынешнего.

Оставим эту спорную тему на суд научного сообщества, однако первая версия представляется более вероятной — хотя бы потому, что на протяжении всей истории христианского зодчества новые храмы старались строить там, где стояли старые, то есть на месте, уже в некотором роде освященном и намоленном.

Сломав старый Георгиевский собор, Святослав Всеволодович «созда паки церковь чудну зело, вельми украси ю резным камением от подошвы и до верху — святых лики и праздники...» Именно это здание — многое претерпевшее за свою почти восьмисотлетнюю историю — является сегодня объектом приложения сил реставраторов и предметом восхищения простых смертных.

«Поучительные темы наружных украшений...»

С точки зрения композиции, Георгиевский собор не представляет собой чего-либо выдающегося. По наиболее авторитетным оценкам (так считал, например, Н. Н. Воронин), в плане он сохранил размеры предыдущего собора. Здание имеет четыре столпа, три апсиды и три притвора, причем западный притвор первоначально был выше боковых, ибо — по предположению того же Воронина — во втором его ярусе, на хорах, размещалось во время богослужений княжеское семейство.

Наибольший интерес, конечно, представляет причудливая каменная резь, украшающая северную, западную и южную стены собора. Она давно уже привлекает внимание исследователей. Так, еще в 1880—1890-е годы профессор кафедры истории искусств Санкт-Петербургского университета Н. П. Кондаков (1844—1925) писал: «Среди владимиро-суздальских церквей собор Юрьева-Польского занимает едва ли не первое место по оригинальности своих скульптур...» Функция же белокаменной резьбы, по мнению



Димитриевский собор во Владимире был построен Всеволодом Большое Гнездо. Его сын Святослав постарался у себя в «резиденции» выстроить собор, который превзошел бы своим убранством отцовский храм.



Западный портал Георгиевского собора. Видно, что каменная вязь покрывает лишь верхнюю часть стены, а к ее середине «иссякает».

ученого, состояла не только в украшении, но и в назидании. Говоря о городских храмах, он писал, что они, «видимо, украшались с расчетом на то, что толпы толкущегося возле них в праздник народа найдут и время, и охоту разобрать поучительные темы наружных украшений и воспользуются ими как наглядным наставлением». То есть рельефы снаружи храма играли ту же роль, что фрески — внутри.

Высокие и низкие рельефы

Резьба Георгиевского собора уникальна, но нельзя сказать, чтобы она не имела родства. Среди ближайших в этом отношении предков Георгиевского храма — Димитриевский собор во Владимире и церковь Покрова на Нерли. Но рельефные украшения юрьевского памятника отличаются как от легкого декора Покровской церкви, так и от «академически-стройного» резного оформления Димитриевского собора.

Резное убранство Георгиевского собора оригинально, прежде всего, своей двойственностью — сочетанием горельефных (максимально объемных) фигурных изображений с растительным орнаментом, выполненным в низком рельефе и покрывающим чуть не все стены, благодаря чему они становятся похожи на какой-то фантастический шедевр «каменного ткачества».

Какова же была технология создания этой «ткани»? Предполагается, что, в первую очередь, на отдельных камнях вырезались горельефные изображения. Затем они укладывались в стену, а уже после окончания постройки резчики приступили к созданию легкого «плетения». Работа «орнаменталистов» требовала высочайшего мастерства: одно неосторожное движение резца могло сгубить всю композицию.

К. К. Романов (1882—1942), архитектор и реставратор, исследовавший собор в 1909 году, высказал гипотезу, что первоначальный замысел зодчего не включал в себя коврового орнамента. Планировалось ограничиться лишь горельефами. Но одни только горельефы не сообщали собору чаемой князем Святославом пышности. С ними он всего-навсего становился подобен Димитриевскому собору, а ктитору желалось, чтобы Георгиевский храм превосходил его (вполне понятное человеческое желание). И тогда явилась мысль дополнить уже существующее убранство сплошной вязью.

Однако столь же вероятно и то, что вязь замысливалась изначально, поскольку на протяжении XII—XIII веков во владимиро-суздальском зодчестве прослеживается устойчивая тенденция к увеличению объема резьбы и ее усложнению.

«Веселилися три дни...»

В 1234 году постройка Георгиевского собора была окончена. В. Н. Татищев (1686—1750) на основании документов, не найденных впоследствии (обычная для Татищева история, из-за чего сообщаемые им известия часто вызывают недоверие специалистов), писал, что церковь «освятил епископ Митрофан», а при освящении «были князь великий Юрий (старший брат Святослава) и другие, веселилися три дни».

Отделочные работы, по всей видимости, продолжились и после освящения. Прекратило их монголо-татарское нашествие, о чем свидетельствует неоконченная, как бы «сходящая на нет» резьба западного портала. Таким образом, Георгиевский собор явился последним памятником домонгольского зодчества Северо-Восточной Руси. Н. Н. Воронин назвал его «лебединой песней владимиро-суздальского искусства».

Но, видимо, уже при татарах, в самых неблагоприятных исторических условиях, Георгиевский собор получил Троицкий придел, где был погребен сначала князь Святослав Всеволодович (†1252), а затем и его сын Димитрий. Этот придел до наших дней не сохранился.

Георгий Победоносец

ВЕЛИКОМУЧЕНИК ГЕОРГИЙ, претерпевший страдания и смерть за Христа в 303 году, относится к числу наиболее известных и почитаемых святых. Победоносцем его первоначально именовали как победителя в духовной брани.

Существует множество вариантов Жития великомученика, как канонических, так и апокрифических. Совокупив наиболее достоверные данные, можно представить жизнеописание св. Георгия следующим образом.

Родился будущий мученик в Каппадокии. Его мать Полихрония была христианкой и воспитала Георгия в благочестии. После смерти мужа она переселилась с сыном в Палестину, на свою родину.

В юности Георгий поступил на военную службу и вскоре дослужился до звания трибуна. Он отличился в войне с персами (296—297) и был отмечен императором Диоклетианом, который не знал, что Георгий исповедует христианство.

Когда тот же самый Диоклетиан открыл очередное гонение на христиан, Георгий решил, что настало время спасать душу. Он раздал все свое имение (весьма немалое) и, явившись к императору, объявил себя христианином.

Изощренные пытки не сломили дух Георгия. Более того: видя его твердость, а также и то, что после очередного истязания тело святого чудесным образом исцеляется, уверовали во Христа многие из тех, кто присутствовал при его мучениях, — в том числе и приближенные императора.



▶ *Чудо о змие сделалось излюбленным сюжетом в иконографии вмч. Георгия, утвердившись со временем на печатях и монетах Московского государства. На иллюстрации — икона новгородской школы рубежа XVI—XVII веков.*

В конце концов, уразумев, что телесные муки не производят желаемого действия на Георгия, а число обращенных им ко Христу множится, Диоклетиан приказал отсечь ему голову мечом. Произошло это в 303 году в Страстную Пятницу (23 апреля/6 мая).

Уже вскоре почитание вмч. Георгия распространилось настолько широко, насколько это вообще возможно. К его мощам, положенным в Лидде, стекались больные и увечные, получавшие здесь чудесную помощь.

Известнейшим среди посмертных чудес св. Георгия является так называемое «чудо о змие». Сказание о нем встречается в двухстах рукописях, дошедших до наших дней. Вкратце его суть заключается в следующем: в озере близ некоего города обитал змей, который часто нападал на людей и скот. Из суеверия горожане решили утишить ярость злобной рептилии проверенным издревле способом: регулярно отдавать ей на съедение девицу или юношу. То есть имел место гнусный обряд жертвоприношения. Жертва избиралась жребием, и в один прекрасный день он пал на дочь правителя города. Девицу привязали на берегу озера, и она осталась ждать неминуемой смерти. Но не успел змей появиться из озера, как его поразил копьем невесть откуда взявшийся светлый юноша. Это был святой Георгий. Пораженные чудом жители города приняли христианство.

На Руси почитание св. Георгия распространилось вскоре после Крещения. С именем Георгия был крещен князь Ярослав Мудрый. Он построил в Киеве храм во имя своего небесного покровителя, и день его освящения (26 ноября/9 декабря) постановили праздновать ежегодно. Это именно тот самый «Юрьев день», после которого крестьяне до их окончательного закрепощения при Борисе Годунове могли свободно переходить от одного землевладельца к другому. А «вешний Егорий» совпадал с первым после зимы выгоном коров на пастбище, так что крестьяне чтили в святом и покровителя скота.



Работа Ф. В. Шаврина «Битва русских с татарами» (1900—1910).

Каменная головоломка

В XV веке Георгиевский собор обвалился и был восстановлен под руководством Василия Ермолина. Не зная первоначального расположения резных сюжетов, реставратор Ивана III превратил стены собора в загадочную мозаику.

В феврале 1238 года Владимиро-Суздальское княжество подверглось нашествию монголо-татар. Взяв Владимир и с отменной жестокостью расправившись с его жителями, татары двинулись далее, «и несть, — сообщает летописец, — места, ни веси, ни сел... идеже не воеваша на Суждальской земли». Тогда был захвачен и Юрьев-Польский.

Очевидно, что «окаяннии кровопиицы» не остановились перед тем, чтобы разграбить Георгиевский собор. Несомненных сведений у нас о том не имеется, но, судя по тому, что происходило во владимирских церквах («иконы одраша, а иные исекоша, а иные поимаша, и кресты честные, и сосуды священные, и книги одраша...»), татары не церемонились и в Юрьеве-Польском. А так как имеет смысл предположить, что горожане надеялись найти спасение в стенах собора (как то бывало в других городах), то очень может случиться, что захватчики не только ограбили, но и подожгли его.

Обвал

Татарским разорениям Юрьев-Польский подвергался и впоследствии — в 1382 и 1409 годах, уже находясь в составе Московского княжества, и нет оснований считать, что его соборный храм оставался при этом невредим. Очевидно, именно эти повреждения (а также «обыденные» пожары, происходившие «от свечки») привели к тому, что в XV веке Георгиевский собор обрушился. Высказывалось также предположение, что своды храма обрушились из-за того, что была слишком тяжела его глава, якобы поставленная на особом постаменте.

Об устроении главы Георгиевского собора до сих пор ведутся споры, существует несколько вариантов реконструкции, а вот следы пожаров в соборе зафиксировал еще в 1863 году Н. А. Артлебен, один из основоположников русской архитектурной реставрации. Он писал: «Повреждения собора состоят только в том, что внутри его, в нижней части стен, пилястр и столбов, известковый камень местами осыпался, растрескавшись и размягчившись от огня во время бывших пожаров, когда горели в соборе иконостасы; подобные повреждения в поверхности кладки встречаются более в алтаре и в алтарных столбах, к которым обыкновенно бывает приставлен иконостас».

В подтверждение «пожарной» версии скажем, что при обрушении собора наиболее пострадала его во-

сточная, т. е. ближайшая к иконостасу, стена, обвалившаяся до цоколя.

«Поставил как и прежде...»

Вероятно, некоторое время собор стоял в руинах, приходя в негодность все больше. Но в 1471 году на его бедственное состояние обратил внимание Иван III и прислал подрядчика Василия Ермолина, который «те церкви (то есть собственно Георгиевский собор и придельный Троицкий храм. — *Прим. ред.*) собрал вси изнова и поставил как и прежде».

▼ *Северный портал Георгиевского собора, сохранившийся наиболее полно. Над входом видно рельефное изображение вмч. Георгия.*



Такое попечение великого князя о храме Юрьева-Польского весьма характерно. С момента возобновления каменного строительства в Северо-Восточной Руси после монголо-татарского нашествия Георгиевский собор часто служил образцом для возводимых церквей. В частности, на него ориентировались зодчие первого Успенского собора Московского Кремля (1326; не сохранился) и Успенского собора на Городке в Звенигороде (конец XIV века).

Насколько можно доверять летописному свидетельству о том, что Василий Ермолин «поставил» Георгиевский собор «как и прежде»? Увы, лишь в самой малой степени, хотя о Ермолине известно, что то был знаток своего дела: под его руководством строились многие здания Москвы, а во Владимире он обновлял церковь на Золотых воротах. Но, во-первых, о научной реставрации тогда понятия не имели, а потому условие «сделать, как было» понималось иначе, чем теперь. А во-вторых — Ермолин не знал (и подсказать некому было) расположения резных сюжетов. Он с уважением отнесся к древней резьбе, не стесал ее с камней; добросовестно пытался угадать, куда именно поместить камень с тем или иным рельефом, и иногда, как показывают плоды его трудов, действительно угадывал. Но чаще ему не удавалось установить связи между фрагментами кладки, и в итоге Георгиевский собор превратился в резную головоломку для грядущих поколений.

Именно последнее обстоятельство подталкивает нас к уже озвученному выводу, что собор постоял-таки в развалинах некоторое время — достаточное для того, чтобы жители Юрьева-Польского не смогли восстановить в памяти, каким было первоначальное резное убранство храма.



▲ *Успенский собор на Городке в Звенигороде.*

«Во всеконечном быстъ презрении...»

Дальнейшая история собора вплоть до начала XVII века весьма темна. В начале же XVII столетия он подвергся разорению «от поляков и русских изменников» и в ближайшие сто с лишком лет положение его



Битва на Сити

После разорения монголо-татарами Рязанского княжества и поражения соединенного русского войска под Коломной великий князь Владимирский Юрий Всеволодович оставил стольный город, «урядив сыны своя в собе место», и отправился на реку Сить (северо-западная оконечность нынешней Ярославской области), где назначил сбор войск, чтобы дать решительное сражение татарам. Он ждал братьев Святослава и Ярослава, однако второй из них, возможно, так и не прибыл, поскольку среди участников битвы он в летописях не упоминается.

Монгольский корпус под командованием темника Бурундая подошел к владимирцам неожиданно, и те, не успев приготовиться к битве, оказались окружены и погибли почти в полном составе. Однако русское войско стояло не на жизнь, а на смерть. Накануне сражения была получена весть о том, что пал Владимир, отчаяние придавало ратникам сил, и летописец свидетельствует о «злой сече», вследствие которой татары «великую язву понесли». Последнее обстоятельство во многом предопределило отказ Батыя идти на Новгород, но и Северо-Восточная Русь не имела более ресурсов для сопротивления захватчикам. Началась эпоха монголо-татарского ига.



Часовня в память о битве на Сити. Ныне находится в музее под открытым небом в Мышкине.



▲ *Великий князь Московский Иван III. Портрет из Царского титулярника.*

оставалось самым печальным, о чем красноречиво свидетельствовал в XVIII веке ключарь суздальского Богородице-Рождественского монастыря Ананий Федоров. Он писал: «Собор от долговременства весьма обветшал внутри и вне и во всеконечном бысть презрении... и священнослужители протопоп с братиею в самой нищете находились... в церковных потребах имелась нужда, и многажды утрени и вечерни пелись без свеч». Тем не менее именно в этот период собор постепенно начали искажать пристройками: над его западным притвором появилась шатровая колокольня.

В середине 1730-х годов епископ Суздальский и Юрьевский Афанасий (Паисиос-Кондоиди; †1737) приписал к собору два городских храма — Успенский и Благовещенский. Успенский, впрочем, был уже в 1736 году упразднен за ветхостью церковного здания, а Благовещенская церковь существовала до 1890 года.

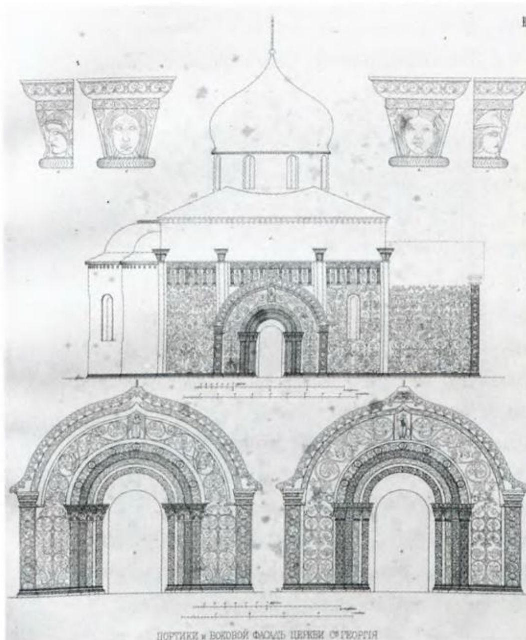
Умножение числа прихожан и их усердие к храму повлекло за собой двойственные последствия. С одной стороны — собор перестал терпеть нужду в богослужебных принадлежностях, а равно улучшился и быт соборного духовенства. С другой стороны, появление средств активизировало строительную деятельность, ведшуюся, конечно, без учета архитектурной ценности собора. В 1781 году старую шатровую колокольню сменила огромная четырехъярусная, а в 1817 году теплый Троицкий придел расширили, превратив в полноценный зимний храм. В 1827 году с южной стороны пристроили ризницу. И едва ли не весь древний корпус собора оказался скрыт этими «полезными добавлениями».

Освобождение

К концу XIX века неудовлетворительность состояния Георгиевского собора была уже очевидна для специалистов. Н. П. Кондаков в 1897 году называл его «удивительною церковью, которая бы заслуживала стоять под стеклянным колпаком... как замечательный памятник средневековья... который, к сожалению, в настоящее время изуродован позднейшими пристройками».

Той же точки зрения придерживался и настоятель (с 1889 года) Георгиевского собора протоиерей Александр Знаменский (1861 — после 1917). Выпускник Московской духовной академии, кандидат богословия, он принял близко к сердцу положение древней святыни и в 1897 году представил в Императорскую археологическую комиссию проект восстановления храма в его первоначальном (или «относительно первоначальном») виде. Помимо уже указанных пристроек, он перечислил еще ряд новшеств, которые должно было исправить или уничтожить: четырехскатное покрытие кровли,

▼ *Прорись северного фасада и притворов Георгиевского собора, выполненная в середине XIX века Ф. Ф. Рихтером и его учениками. Уже в то время собор ценился сведущими людьми как уникальный памятник русской древности.*



▼ *На этой фотографии начала XX века видны пристройки, плотно окружившие собор.*





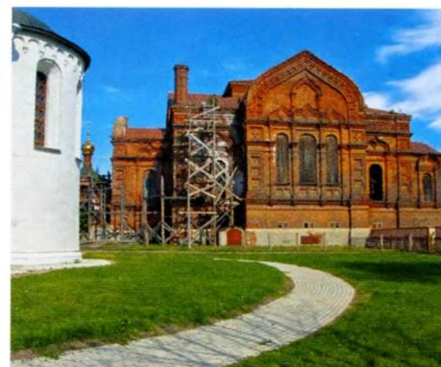
▲ *Георгиевский собор в начале 1970-х годов.*

Троицкий собор



Проект теплого собора Юрьева-Польского, составленный епархиальным архитектором Н. Д. Корицким, был утвержден в 1905 году. Согласно ему, храм должен был иметь «русский» облик (сейчас мы называем этот стиль псевдорусским) и три престола — центральный во имя Троицы Живоначальной, придельные — Крестовоздвиженский и Благовещенский. Проект воплотили в точности, хотя работы несколько затянулись из-за постоянной нехватки средств. Освящение собора состоялось в 1915 году, став едва ли не последним радостным торжеством в дореволюционной истории Юрьева-Польского. «Владимирские епархиальные ведомости» писали о постройке: «Новый собор величествен и красив... В нем может разместиться более 2000 человек».

В советское время собор закрыли и снесли купол, чтобы здание выглядело как можно менее «культовым». Своей цели богоборцы добились: сегодня далеко не все туристы могут опознать в краснокирпичной махине бывший храм.



Троицкий собор, построенный в последнее предреволюционное десятилетие.

новые окна, пробитые в северной и южной стенах собора, и т. д.

Главный вопрос состоял в том, что делать с зимним собором. Понятно было, что совсем обойтись без него нельзя, потому что зимой в Георгиевском соборе становилось холодно и сыро. Однако тогдашний теплый храм не только уродовал древний памятник, но и предоставлял слишком много неудобств прихожанам. О. Александр писал и об этом: «В нем (т. е. в теплом храме. — *Прим. ред.*) во всякое время года тесно и душно даже при обычном собрании богомольцев в воскресные дни... Благодаря такой неудовлетворительности собора многие обыватели города лишены возможности посещать совершаемое в соборе богослужение и, что всего прискорбнее, особливо в великие праздники. Приходящие же сюда помолиться вынуждены бывают переносить необыкновенную духоту и тесноту и по выходе из храма подвергаются опасности простудиться, каковые случаи, действительно, бывают нередко».

Исходя из вышесказанного, священник предлагал сломать старый теплый храм и построить новый — на некотором удалении от Георгиевского собора.

Предложение о. Александра — как об очищении древнего храма от позднейших наслоений, так и о постройке новой теплой церкви — встретило одобрение и в научных кругах, и у священноначалия. Предстояло испросить у городской думы участок, разработать проект будущего здания и собрать на него деньги. Все это было осуществлено к 1907 году. А в 1915 году новый Троицкий собор уже освятили.

Но вот работы над приведением Георгиевского собора «в древний вид», которые планировалось начать сразу по освящении теплого Троицкого храма, пришлось из-за войны отложить. Потом наступил 1917 год. Потом оба собора — и теплый, и холодный — закрыли. Только тогда памятник домонгольского зодчества дождался освобождения от каменных оков XVIII—XIX столетий.

Святославов крест

Уникальной святыней-экспонатом Георгиевского собора является так называемый Святославов крест. Согласно преданию, он является «памятником благочестия строителя собора» — то есть именно князя Святослава Всеволодовича.

Совокупляя имеющиеся о Святославовом кресте известия, протоиерей А. Знаменский писал в 1906 году, что он «сооружен великим князем Святославом III Всеволодовичем в 1224 году (то есть еще прежде Георгиевского собора. — *Прим. ред.*)… и раньше находился, судя по некоторым сведениям, сначала в алтаре собора за престолом, потом в западной стене прежней, теперь уже несуществующей, восьмигранной колокольни… а затем в нарочно для него устроенной часовне близ алтаря соборного».



Причиной, побудившей князя к поставлению креста, предание называет его чудесное спасение во время бури, обрушившейся на княжьи ладьи, когда он возвращался в июне 1220 года с дружиной из похода на волжских булгар.

Перемещения

По мнению Г. К. Вагнера и Н. Н. Воронина, белокаменный крест с предстоящими при строительстве Георгиевского собора был помещен в центральной закомаре северного фасада. А. В. Столетов также считал, что крест был «вмонтирован» в стену — но только в западную.

С последней точкой зрения соглашался В. В. Кавельмахер. Он полагал, что к моменту реконструкции собора В. Ермолиным крест уже являлся почитаемой реликвией, благодаря чему жители Юрьева-Польского смогли точно указать мастерам, где он находился прежде. А те, соответственно, последовали этому указанию при восстановлении стен.

◄ *Белокаменное Распятие с предстоящими в Георгиевском соборе Юрьева-Польского (так называемый «Святославов крест»).*

В XVII веке Святославов крест оказался закрыт пристроенной с запада шатровой колокольней, и его временно перенесли в алтарь, а затем — снова поместили на фасаде, но теперь это уже был фасад колокольни. Здесь он находился вплоть до ее слома, когда для него нашлось место «в нарочно устроенной часовне».

Очевидно, пребывание креста на наружной стене Георгиевского собора завершилось в связи с все более



▲ *Труворов крест. Установлен в Изборске в XIV—XV веках. Высота его — около двух метров. По преданию, он отмечает место захоронения легендарного князя Трувора, скончавшегося, согласно летописным сведениям, в 864 году.*

возраставшим почитанием святыни. Так надвратные иконы с течением времени перемещаются внутрь храмов (или как бы «обстраиваются» ими), ибо у людей возникает потребность сосредоточенной молитвы перед ними.

К началу XX века Святославов крест имел местоположение в Крестовоздвиженском приделе теплого Троицкого храма. Отсюда его пере-



▲ *Бухта Благополучия, Большой Соловецкий остров.*

несли в новопостроенный теплый собор, где он находился буквально несколько лет, после чего вернулся в собор вмч. Георгия — уже в качестве экспоната.

По обету

Традиция поставления крестов сложилась на Руси в эпоху ее христианизации. Когда миссионеры уничтожали языческие капища — они ставили здесь вместо идолов кресты. Впоследствии иногда вырастали на этих местах часовни, храмы и даже монастыри.

Кресты ставили и при дорогах — чтобы путники могли помолиться (а кроме того, во ограждение от нечистой силы, которая, как считалось еще со времен язычества, обитала на перекрестках дорог); на местах каких-либо значимых событий. Возводили кресты по обету и в благодарность Господу за избавление от бед — как «частных», так и общенародных, дабы память о том не стерлась в веках. Таков, например, один из самых известных древнерусских крестов — Алексеевский (1380-е). Его поставили повелением архиепископа Новгородского Алексия в Новгороде в память о Куликовской битве. Широчайшее распространение получили кресты на пустынном Русском Севере, где храмы, да и часовни, были редки, а человек ощущал необходимость освятить пространство своей жизни.

Особого внимания заслуживают беломорские кресты, являвшиеся, помимо прочего, еще и маяками. Зачастую они имели весьма внушительные размеры — более десяти метров в высоту — и служили поморам надежными ориентирами на их путях по коварному Белому морю. Интересная особенность: поперечина креста-маяка всегда устанавливалась в направлении меридиана.

Художник А. А. Борисов, которому в 1898 году пришлось по льду Белого моря добираться до Большого Воронова острова, вспоминал: «На самом высоком месте стоял крест, сделанный из толстого бревна. Откуда это бревно? Найдено ли в плавнике или привезено нарочно с материка, решить невозможно, но только одно можно сказать с достоверностью, что крест этот поставлен очень давно. Боже, каким он казался старым! Казалось, что он был старше этих громад, падающих отвесной стеной в море, этих геологических развалин. Как он порос мхом, как он был выеден ветром и как источен неумолимыми снежными бурями суровой полярной зимы!..»

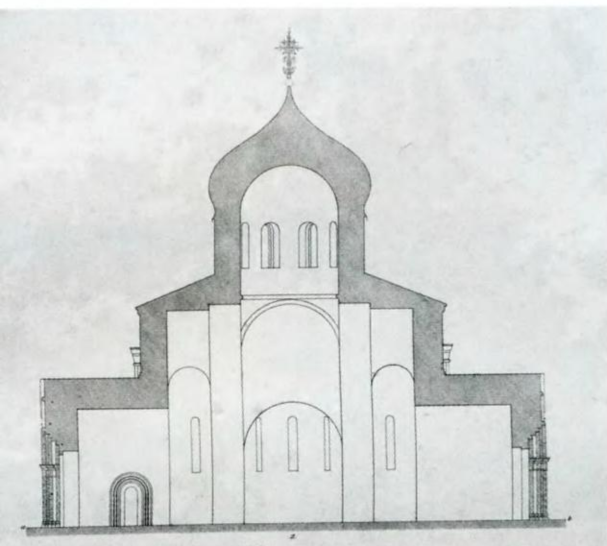
«Многие приходят издалека...»

Любой крест как символ жертвы Спасителя уже является святыней. Но в истории случалось так, что некоторые кресты приобретали славу чудотворных и почитались сугубо, «вне группы». В особенности те, в которых были заключены частицы мощей или же предметов, связанных с земной жизнью Христа и Божией Матери. Известнейшим среди подобных крестов-мощевиков является Кийский крест, изготовленный по заказу Патриарха Никона для Кийского Крестного монастыря (на острове Кий будущий Патриарх спасся в 1639 году от бури).

Что касается Святославова креста, то к нему среди населения Юрьева-Польского и его окрестностей уже издавна сложилось отношение как к великой святыне и объекту паломничества, о чем свидетельствовал и о. Александр Знаменский. Он писал: «Этот Святославов крест весьма почитается жителями Юрьевской округи, и для поклонения ему многие приходят издалека».

Расшифровка

Снаружи



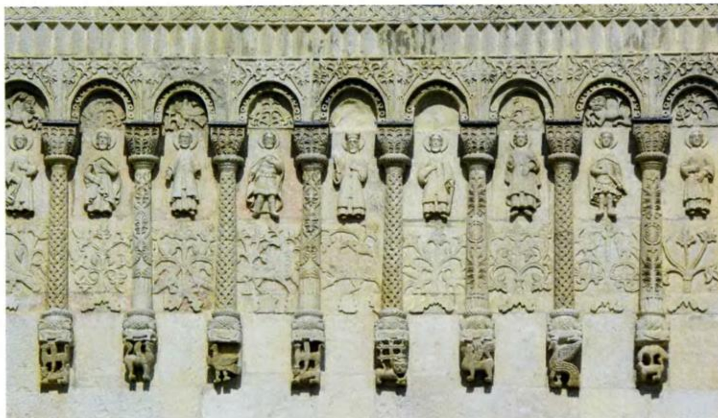
Впервые представить Георгиевский собор в том виде, какой он имел без позднейших пристроек, попытался Ф. Ф. Рихтер (1808—1868), основоположник отечественной школы научной реставрации. На иллюстрации — выполненный им разрез собора.

В замечательной и не потерявшей актуальности книге «Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской» Н. Н. Воронин так подводил путешественника к знакомству с Георгиевским собором: «Мы останавливаемся в невольном изумлении перед странным и удивительным, единственным в своем роде зданием. Огромная луковичная глава и ее широкий тяжелый барабан как бы придавили и заставили раздаться в стороны и выгнуться приземистый куб храма с грузными апсидами. После белоснежных зданий Владимира XV века нас удивляет его серо-зеленоватый, серебристо-желтый цвет, словно века наложили свою суровую патину на его стены. После стройной декоративной системы Димитриевского собора нас поражает причудливый хаос скульптур. Стены как бы вымощены ими. Звери и чудища, святые и ангелы, обрывки фантастических каменных гирлянд, схваченных пастями львиных масок, и обломки тончайших узоров образуют загадочную мозаику. Она кажется гигантским каменным ребусом, напряженной тайной, властно приковывающей нашу мысль. Таковы первые впечатления, которые испытывает каждый, кто видит впервые Георгиевский собор...»

Попытки разгадать «каменный ребус» Георгиевского собора предпринимаются уже довольно давно. К. К. Романов, обследовавший памятник в 1909 году, первым высказал предположение о том, что в древности собор являл собой стройное «иконографическое целое». «Мы заметили, — писал он в своем отчете, — что некоторые фигуры представляют части разрозненных композиций». Он же первым «собрал» одну из таковых композиций — «Преображение», в которую вошли семь резных камней, разбросанных по второму ярусу южного фасада.

Следующий этап «разгадок» относится уже к середине XX века, когда после разбора обстройки храма удалось найти еще ряд резных камней, которые ныне размещены внутри собора. Важным научным событием явилась изданная в 1960-е годы книга Г. К. Вагнера «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси», где реставратор приблизился к прочтению послания, оставленного нам мастерами XII века и зашифрованного мастерами XV столетия.

Однако метод Вагнера не был безупречен. Ученый пользовался «безмасштабными фотографиями, произвольно их затем комбинируя», а кроме того — «исключил из числа рассматриваемых им фрагментов целую серию уникальных архитектурных обломов» (критические цитаты принадлежат В. В. Кавельмахеру). Поэтому работу его нельзя назвать полной и убедительной победой, разгадкой древнего облика Георгиевского собора. Она, скорее, — некое «обещание», указание пути, которым следует двигаться реставраторам. Так что поиск продолжается.

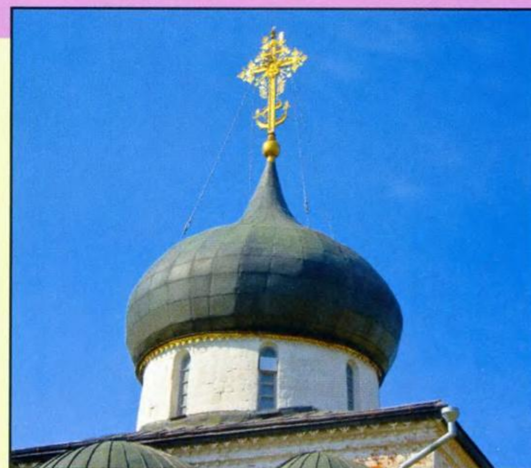


Фрагмент резного убранства Димитриевского собора во Владимире — образец гармонии и стройности в сравнении с нагромождением рельефов Георгиевского собора.



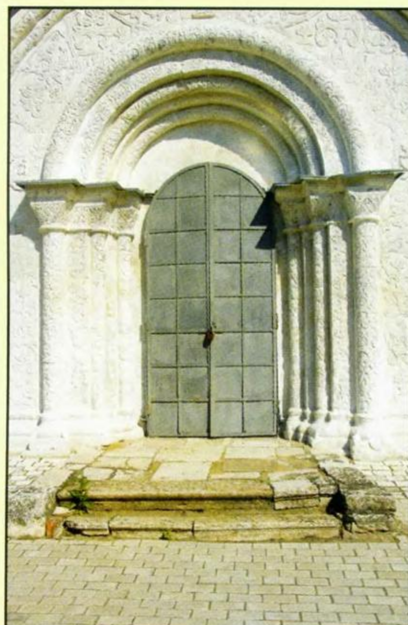
Фрагмент резного убранства южного фасада (полностью собранного В. Ермолиным) Георгиевского собора.

Обзорная площадка



Барабан

Нынешний низкий барабан с массивной луковичной главой придает Георгиевскому собору несколько «осевший» вид. В таком виде его восстановил Ермолин. Но когда-то он имел совсем другие очертания. Реставраторы сходятся в том, что барабан был значительно выше и стройнее (не говоря уже о завершении — конечно, шлемовидном). Имел он и скульптурное убранство — резные камни, характерные именно для барабана, обнаружены реставраторами в кладке сводов и стен.



Перспективные порталы

С трех сторон (кроме восточной) Георгиевский собор обстроен притворами, входы в которые оформлены перспективными порталами — традиционный способ обрамления дверей в средневековой архитектуре. Несмотря на то, что южный фасад обрушился в XV веке полностью, его портал был восстановлен Ермолиным в целом удовлетворительно, поскольку фрагменты, его составляющие, имеют слишком очевидную форму.





Капители

Фасадные полуколонны завершаются капителями с тремя резными масками. Как видно на фотографии, Ермолину не удалось собрать полуколонны в их изначальном виде: границы резьбы на стыках камней не совпадают.



Богоматерь «Оранта»

Над южным входом помещено резное изображение Богоматери, соответствующее иконографическому типу «Оранта» (Божия Матерь стоит с воздетыми в молении руками). На груди Пресвятой Девы помещен медальон, в котором изображен Младенец Христос. Такой тип изображения в русской иконографии именуется «Знамением». В нем акцент перемещается с идеи молитвенного заступничества Богородицы за всех людей на тайну Боговоплощения, которому послужила Божия Матерь. Любопытно, что среди рельефов Георгиевского собора (на той же южной стене) есть также изображение Богоматери в молении без медальона с Младенцем Христом на груди. Эту «Оранту» вы могли видеть на предыдущей странице.



Георгіевский собор
Юрьев-Польский

Внутри



ИЗУЧАЯ в начале XX века Георгиевский собор, К. К. Романов описывал его внутреннее убранство так: «Иконостас в соборе XVIII века с переделками XIX. Иконы — хорошей работы XVIII века и хорошо сохранились. Стенопись исполнена в 1825 году; она датируется надписью на стене; следов древней росписи пока не найдено. Перед иконостасом висят четыре хорошие древние паникадила».

Помимо того, в Георгиевском соборе находилось несколько реликвий богослужебного назначения. Это были, согласно описи первой половины XIX века, «серебряные богослужебные сосуды: потир, дискос, звездица, лжица и два блюдца, — вклад царя Михаила Феодоровича. На потире имеется надпись: „лета 152 (1644) в Юрьевец Польский, в соборную церковь мученику Георгию сделаны сосуды повелением Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всея Русии Самодержца и его Благоверной Царицы и Великой Княгини Евдокии Лукьяновны и их благоверных чад“. Серебряное кадило — дар того же царя Михаила Феодоровича и с той же надписью, что и на потире... Напрестольный сребропозлащенный крест, украшенный финифтью и стразами, с частицами св. мощей... Напрестольное Евангелие печати 1759 года; доски обложены вызолоченными серебряными листами, украшенными священными изображениями...»

▼ *Алтарь Георгиевского собора.*



Конечно, всего перечисленного в соборе ныне нет. Он представляет собой скорее музей, чем храм (музеем он и является официально). На стенах в нем представлены проекты реконструкции, на стеллажах — фрагменты древней резьбы. Росписи, упомянутые Романовым, частично сохранились, но иконостас, равно как и киоты, утрачены. Алтарь, впрочем, имеет вполне богослужебный вид и отгорожен от посетителей. Нужно отметить, что и в древности алтарь был открыт взору молящихся — его отделяла от остального пространства храма лишь невысокая алтарная преграда.

В отсутствие привычных подробностей церковного интерьера, наше внимание сосредоточивается прежде всего на мощной архаической кладке стен и столпов, поддерживающих своды, а также на общем устройстве интерьера. Несмотря на свои сравнительно скромные размеры, собор внутри кажется весьма просторным благодаря широко расставленным столбам. «Ощущение расчлененности пространства исчезает, — писал Н. Н. Воронин, — оно приобретает почти „зальный“ характер».

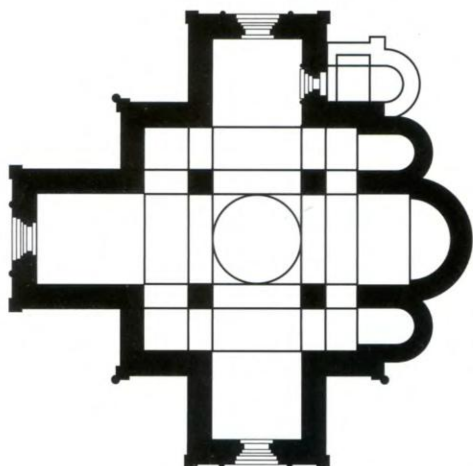
На полу сохранились чугунные плиты, уложенные в XVIII веке. Это третий по счету пол Георгиевского собора, первый был каменным и находился ниже теперешнего.

▲ *В куполе и на сводах сохранились росписи начала XIX века.*

▶ *Чугунные плиты пола. Они частью проржавели из-за сырости, царящей в соборе зимой и летом.*



Структура храма



Цифры и факты

Четырехстолпный крестово-купольный собор во имя вмч. Георгия возведен князем Святославом Всеволодовичем из белого камня в 1234 году. В XV веке обрушился, в 1471 году собран заново. В плане четверик собора имеет площадь 14×13,5 м. Толщина стен — около метра. Сторона подкупольного квадрата — 4,7 м. Апсиды имеют одинаковую высоту.

Обозначения

1. *Основной объем*
2. *Западный притвор*
3. *Северный притвор*
4. *Перспективный портал*
5. *Алтарь*
6. *Конха алтарной апсиды*
7. *Престол*
8. *Жертвенник*
9. *Место, где находился вход в не существующий ныне Троицкий придел*

Монастыри Ополья

Памятников такого уровня, как Георгиевский собор, в Юрьеве-Польском и его ближайших окрестностях больше не найти, но посмотреть здесь, кроме древнего храма, тем не менее есть что.

Михайло-Архангельский монастырь

В «Путеводителе по губернскому городу Владимиру и его древнейшим уездным городам» (1906) Михайло-Архангельскому монастырю уделено всего несколько строк. «Почти рядом с Георгиевским собором, — говорится в нем, — расположен мужской Архангельский монастырь. Он основан в XIII веке, но соборная церковь его построена только в 1560 году. В монастыре хранятся грамоты царей Василия Шуйского 1606 года и Михаила Федоровича 1635 года. Замечательно Евангелие, пожертвованное царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей в память их брата Феодора».



▼ *Так выглядит Михайло-Архангельский монастырь, если подходить к нему со стороны Георгиевского собора.*

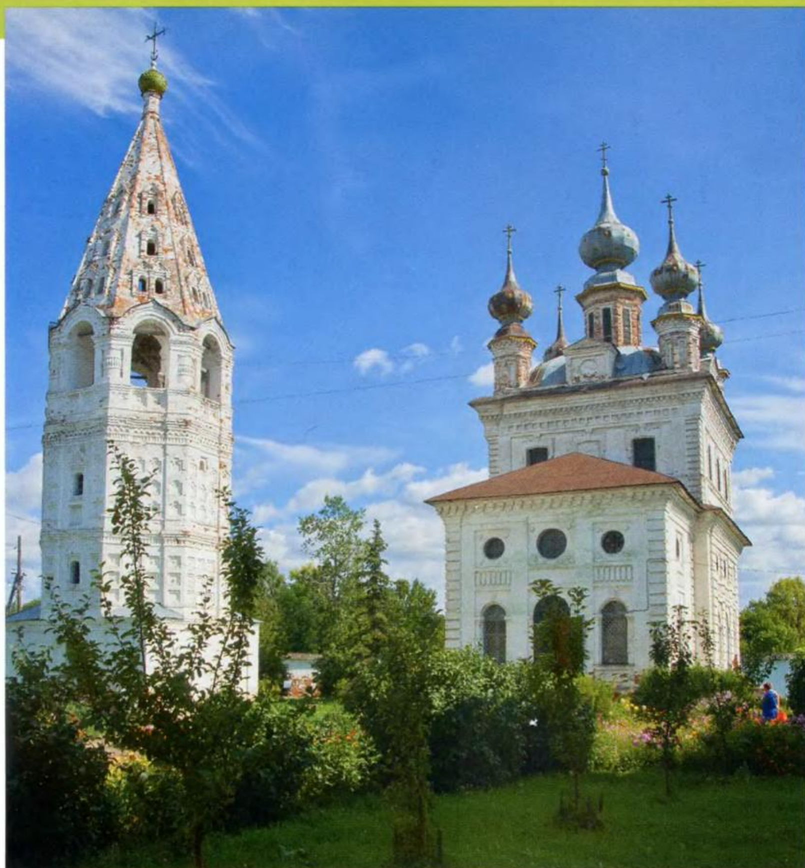
Как видно уже из этой скупой рекомендации, «сосед» Георгиевского собора заслуживает самого пристального внимания — хотя бы потому, что является его ровесником (архитектурных подтверждений чему, увы, не сохранилось) и в некотором смысле «братом». Ибо основан он был строителем собора князем Святославом Всеволодовичем.

Древнейшая история монастыря покрыта мраком. Известно, что в феврале 1238 года его разорили отряды Батыя. Согласно «Владимирскому сборнику» (1857) К. Тихонравова, он начал постепенно восстанавливаться только около 1530 года. Но здесь, вероятно, имеется в виду все-таки его возрождение после нашествия Едигея (1408). Странно было бы предположить, что князь Святослав оставил свою обитель в долговременном запустении.

В 1535 году в монастыре значится один деревянный храм Михаила Ар-



▼ *Музеефицированная монашеская келья (слева) и фрагмент музейной экспозиции — иллюстрация «как сбрасывали колокола».*



▲ *Монастырский собор и колокольня.*



▲ *На колокольню стоит подняться ради обозрения монастыря и живописного центра Юрьева-Польского. На фото: маковки Михайло-Архангельского собора, вид с колокольни.*

хангела с приделом пророка Божия Илии, выстроенный попечением великого князя Московского Василия III. К постройке первого каменного собора приступили только в 1560 году, причем средства на сей раз пожертвовал князь Иван Кубенский.

Впоследствии щедро благотворил обители князь Дмитрий Пожарский (1578—1642), вотчина которого — село Лучинское — располагалась неподалеку. Княжеские дары были весьма уместны, ибо в первой половине XVII века монастырь, разоренный поляками, вновь переживал не лучшие времена.

Управление в монастыре «сперва было строительское, потом игуменское, со времени Царя Ивана Васильевича — архимандричье, а с 1764 года по 1798 опять игуменское. С 1798 года, на основании именного Высочайшего указа, учреждена архимандрия» (по К. Тихомирову). Из вышесказанного следует, что обитель счастливо избежала упразднения при императрице Екатерине II.

Но вот при большевиках монастырь все же закрыли и даже хотели приспособить под хозяйственные нужды. Только деятельное заступничество «реставратора всея Руси» П. Д. Барановского спасло его ансамбль. В монастыре устроили музей, который существует в нем до сих пор — в полном согласии с немногочисленной монашествующей братией, появившейся здесь восемь лет назад.

Собор Михаила Архангела и колокольня

Свою историю каменный собор монастыря ведет от середины XVI века, но, как указывает К. Тихонравов, «в 1792 году эта церковь, по ветхости, начала усердием жителей г. Юрьева перестраиваться и в 1806 году, при настоятеле Архимандрите Никоне Боевском, окончена, покрыта листовым железом, на главах кресты и под ними яблоки вызолочены через огонь, внутри сделан иконостас в три яруса, с колоннами, отделанными под мрамор».

Освящение нового собора состоялось в 1808 году. Архитектура его не вполне соответствует времени постройки, она несет в себе черты середины XVIII века (а в чем-то — и более раннего периода). Здание бесстолпное, весьма высокое, имеет пять глав на стройных барабанах. Своими формами оно перекликается с надвратной церковью, а декоративной отделкой — со стоящей рядом шатровой колокольней.

Что касается колокольни, построенной в 1685—1688 годах, то она, по мнению Н. Н. Воронина, является лучшим памятником монастырского ансамбля. «По богатству пластической декоративной обработки, — пишет он, — колокольня напоминает убранство колокольни Воскресенской церкви в Суздале, но без ее нарядной полихромии». Сравнивает исследователь ее и «с пышными купеческими постройками Мурома XVII века».

В прежнее время звонница Михайло-Архангельского монастыря состояла из девяти колоколов. Два из них были отлиты в XVII веке. Самый большой колокол, весом в 320 пудов, вложил в обитель юрьевский купец первой гильдии П. П. Карцев. В советское время все старинные колокола оказались утрачены.







▲ Алтарная часть Знаменской церкви.

Надвратный Иоанно-Богословский храм

Церковь Иоанна Богослова над Святыми воротами, возведенная в 1670 году, чрезвычайно изящна и определяет парадный фасад монастыря. Даже при поверхностном знакомстве с монастырским ансамблем заметна ее перекличка с Михайло-Архангельским собором (его, видимо, и строили «в пандан» к Богословской церкви).

▲ *Надвратная церковь Иоанна Богослова (1670). Сами Святые ворота были построены несколько раньше — в 1654 году.*

Н. Воронин, впрочем, отзывается о надвратном храме довольно сдержанно, «похваливая» его автора с некоей снисходительностью: «Его строитель был мастером менее умелым, чем суздальские зодчие; в его руках тройные угловые полуколонки приобрели вид простых толстых столбиков, разделенных стойками из ромбов. Но в целом он создал достаточно торжественный и красивый центр лицевой стороны ограды и парадный вход в монастырь».

Церковь иконы Божией Матери «Знамение»

Теплая Знаменская церковь с трапезной палатой появилась в монастыре в 1625 году. Она имеет два этажа. Внизу находились хозяйственные помещения («кладовые палатки»), вверху — собственно храм и трапезная. В 1814 году «усердием помещицы Акилины Андреевны Пестовой» при церкви был сооружен и «снабжен всею церковною утварью» придел во имя Казанской иконы Божией Матери.



▲ *Церковь вмч. Георгия (конец XVII — начало XVIII веков) из упраздненного Георгиевского монастыря.*



▲ *Западная стена монастыря.*

Оформление и декоративное убранство храма очень безыскусственно. Алтарные апсиды почти сходятся в одну (хотя и разделены лопатками), отчего церковь с восточной стороны делается похожей на приземистую башню. Наличники оформлены бедно, а в верхнем этаже их завершения в виде треугольников сливаются с карнизом. Все это выдает руку доморощенного архитектора, несколько оробевшего перед поставленной задачей.

▼ *Жилые корпуса Михайло-Архангельского монастыря.*



Жилые постройки

К Знаменской церкви примыкает с запада келарская (или ризничья) палата с погребами, которая, в свою очередь, соединяется переходом с каменными архимандритскими и братскими кельями, о которых К. Тихонравов сообщает, что они «двухэтажные, построены и отделаны в 1763 году при настоятеле архимандрите Димитрии». Архитектура построек несколько суховата, но комплекс в целом выглядит весьма живописно, особенно в контексте всего монастырского ансамбля.

Георгиевская церковь

В течение длительного времени к Михайло-Архангельской обители был приписан «Георгиевский монастырь, что дубовая церковь, в Юрьевском уезде». Помянутая дубовая церковь сохранилась до наших дней и в XX веке «переехала» в Михайло-Архангельский монастырь в качестве экспоната.

Размеры ее скромны, конструкция (клеть с прирубами и высокой кровлей на два ската) — проста. Но она пленяет своими утонченными пропорциями и с достоинством занимает свое место среди монастырского двора.

Ограда

Старинный облик, характерный для XVII века, сохранила только западная часть монастырской ограды. Стена здесь «имеет печуры подошвенного боя, навесные бойницы и щели для стрельбы с боевого настила, лежавшего на арках внутри ограды» (Н. Н. Воронин). Башни, равно как и остальные части монастырской стены, были в позднейшее время сильно перестроены и утратили воинственные черты. Впрочем, едва ли после XVIII столетия монастырю требовалась серьезная «линия обороны». Скорее нужда в ней ощущалась прежде — именно тогда, когда стены обители были деревянными.



▲ *Успенский собор Космина монастыря.*

Успенский Космин монастырь

Неподалеку от Юрьева-Польского, по дороге на Владимир, есть село со странным названием Небылое. Оно расположено прямо перед поворотом на Суздаль — прямо, можно сказать, в средоточии туристических маршрутов.

В Небылом с конца XV века существует монастырь, основанный преподобным Космой (†1513).

Происхождение прп. Косма имел самое смиренное и с юных лет находился в услужении у некоего боярина. В его доме он выучился грамоте и часто читал своему господину вслух, поскольку тот был болезнен и одно из немногих утешений находил в слушании священных книг.

Однажды Косма со своим хозяином оказались проездом на реке Яхроме, верстах в тридцати от Владимира. Здесь преподобному явилась на дереве икона Божией Матери, от которой он услышал голос, повелевшей ему принять постриг и устроить монастырь. Боярин же получил от иконы полное исцеление.

Естественно, после столь недвусмысленного указания Косма сразу отпросился у своего господина, отправился в Киево-Печерскую Лавру, где принял постриг, а потом с явленным образом вернулся на Яхрому.

Здесь он некоторое время прожил в уединении, а потом вокруг него начали собираться ученики, уговорившие Косму принять игуменский сан. Так постепенно созидалась обитель, центром которой стал деревянный храм Успения Божией Матери, построенный общими силами. В середине XVII века он был возведен в камне.

Среди наиболее заметных преемников прп. Космы следует назвать игумена Митрофана (1623—1703) — будущего святителя Воронежского. Он управлял Успенским монастырем в 1665—1675 годах, при нем построены в 1669 году Спасская церковь и келейный корпус. Долгое время в обители сохранялось Евангелие с надписью, сделанной рукой святителя. После Успенского монастыря игу-





В Космином монастыре. Вид на Спасскую церковь.

мен Митрофан настоятельствовал в Макариево-Унженском монастыре, а оттуда был поставлен на только что открытую Воронежскую кафедру.

К концу XIX века Успенский Космин монастырь имел архимандритское управление, а всего братии в нем насчитывалось (кроме настоятеля) двадцать пять человек — казначей, 3 иеромонаха, 2 иеродиакона, 3 монаха и 16 послушников. Главную драгоценность монастыря составляли мощи прп. Космы, почивавшие под спудом, и Яхромская икона Божией Матери.

Обитель оказывала значительное влияние на жизнь деревенской округи, являясь для крестьян «ближним богомольем» — самой доступной святыней, где они могли помолиться и отойти душой от насущных забот. В 9-ю пятницу по Пасхе, после торжественного богослужения в монастыре, возле его стен открывалась ярмарка.

После революции обитель закрыли и приспособили под нужды тружеников села. В Успенском соборе разместился склад, в Никольском храме — сберкасса и отделение милиции с КПЗ, в Спасском — райисполком. Келейный корпус служил сначала больницей, а потом в нем находилась столовая (вечерами, по рассказам местных жителей, превращавшаяся в натуральный кабак).

В 1936 году с колокольни сбросили колокола. «Разбивали их небыловские мужики, — вспоминают старожилы. — Колокол большой стопудовый ухал, а люди стояли и плакали...» Позже разрушили и саму колокольню, обезглавили храмы.

В 1992 году, с передачей Церкви Никольского храма, в Небылом начала возрождаться молитвенная жизнь.

Сейчас в монастыре три храма — одноглавый Успенский с небольшой шатровой звонницей, Спасо-Преображенский и надвратный Никольский (все — постройки XVII века). У обители есть подворье в селе Федосьине с Богородице-Рождественской церковью (1805). Кроме того, к ней приписаны четыре храма в окрестных селах, два из которых — Космы и Дамиана в Ледневе и Петра и Павла в Большепетровском — находятся в полуразрушенном состоянии и требуют скорейших реставрационных работ.



Настоятель монастыря игумен Серафим на фоне келейного корпуса.

Никольский надвратный храм.

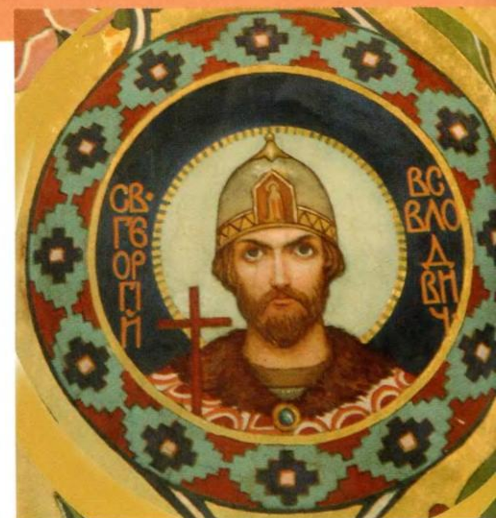


Монастырская доминанта сельского пейзажа.



Святослав Всеволодович

Один из младших сыновей чадолюбивого Всеволода Большое Гнездо, Святослав всю жизнь находился на политической сцене в тени — сначала своих старших братьев, а потом племянников. Но, как видно, Бог оделил его другими талантами...



▲ Князь Георгий (Юрий) Всеволодович — старший брат нашего героя, из воли которого Святослав не выходил, пока тот был жив.

Имя строителя Георгиевского собора князя Святослава Всеволодовича (1196—1252) редко встречается в летописях. Историк И.А. Шляпкин (1858—1918), исследовавший происхождение Святославова креста, писал о князе: «Видим, что это был человек тихого, мирного и мягкого характера. Он не принимает личного участия в удельных междоусобиях, но постоянно и как-то покорно исполняет чужие поручения то отца своего Всеволода, то братьев Константина и Юрия. По чужим распоряжениям он то — князь Новгородский... то Юрьева-Польского, то Переславля-Залесского (здесь историк ошибается, Святослав княжил в Переяславле-Южном. — *Прим. ред.*), то Суздаля... Его сгоняют с княжений и даже с великокняжеского престола, и он смиряется... А между тем видно, что это человек безусловно храбрый, шедший на приступ впереди всего войска...»

С Юрьевом-Польским князя связывали какие-то особенно теплые отношения. В Новгород его послал отец, Всеволод Большое Гнездо, «еще млада суща» (четырехлетним ребенком), и там он пришелся не ко двору. А Юрьев был вотчиной, которой Всеволод оделил его, умирая, и здесь он, шестнадцатилетний юноша, впервые почувствовал себя «на своей воле».

Впоследствии Святослав, как говорилось, княжил и в Переяславле, и в Суздале, и даже был в 1246—1248 годах великим князем Владимирским, но именно Юрьев считал своим городом и именно в нем приготовил себе последнее упокоение.

Святослав и его братья

В юности Святослав Всеволодович оказался втянут в междоусобную борьбу своих старших братьев — но более, кажется, не из каких-то осознанных политических устремлений, а из полудетского желания заявить себя, «показаться».

Разбирательства затеял Константин, Всеволодов первенец, который хотел сосредоточить в своих руках власть и над Владимирским, и над Ростовским княжеством. Отец собирался оставить ему как старшему Владимир, а в Ростове посадить Юрия, но Константин не соглашался, желая обоих княжений (судя по отзывам летописцев о его характере, не столько из честолюбия, сколько из приверженности идее централизованной власти). Всеволод рассердился и передал великокняжеский

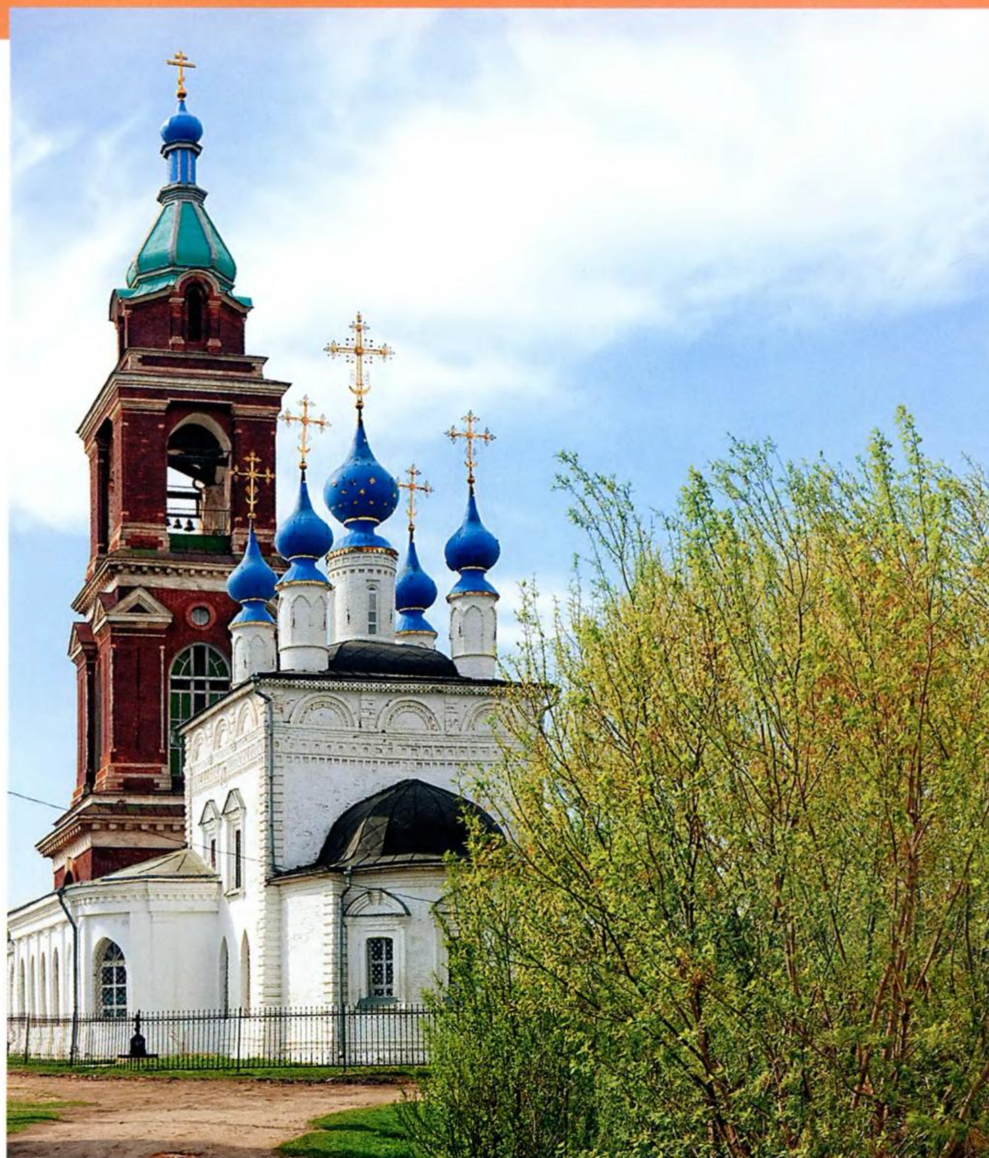
▼ Троицкого придела, где был погребен Святослав Всеволодович, сейчас не существует. Вот место, где он находился.



престол Юрию, оставив Константина в его Ростове.

После смерти Всеволода братья то ссорились, то мирились. Юрий соглашался уступить Константину великое княжение, но взамен просил Ростов. Константин не соглашался отдать Ростов и предлагал Суздаль. Святослав подался было сначала к Константину, но потом перешел в стан Юрия, участвовал в междоусобной Липицкой битве (произошла в 1216 году близ Юрьева-Польского) на его стороне и в дальнейшем всегда держал его руку.

Хотя Константин и победил в Липицкой битве, но на великокняжеском престоле надолго не задержался. В 1218 году он умер, помирившись перед смертью со всеми своими братьями, и владимирский престол вновь — теперь уже по неоспоримому праву старшинства — отошел к Юрию. И Святослав вполне поступил в его распоряжение. В 1220 году ходил воевать зарвавшихся булгар, в 1222 году — помогал новгородцам против ордена меченосцев, в 1226 году сражался с мордвой, и все — по распоряжению старшего брата.



▲ *Ныне останки князя Святослава покоятся в Покровской церкви Юрьева-Польского.*

«Сам бе мастер...»

С 1229 по 1234 год Святослав княжил в Переяславле-Южном, будучи послан туда Юрием. И как раз в это время строился в Юрьеве-Польском Георгиевский собор. Здесь есть одна загадочная подробность. Летописец, рассказывая о постройке «зело чюдной» церкви, говорит о Святославе, что он «сам бе мастер».

Это кажется почти невероятным — как потому, что Святослав, вроде бы, физически находился в другом месте, так и потому, что ремесленные упражнения не соответствовали княжескому званию. Но Святослав был, судя по всему, довольно необычным князем. И как-то не очень сложно поверить, что он имел талант зодчего (более того, легенда гласит, что и белокаменный крест, о котором мы говорили в разделе «Святыни», князь резал своими руками). А что касается его физического «небытия» в Юрьеве в начале 1230-х годов, то и здесь найдутся возражения. Далеко ходить не нужно — тот же Константин, когда отец отправил его княжить в Новгород (после малютки-Святослава), в Новгороде почти не показывался, предпочитая проводить время в своем любимом Ростове. Что мешало Святославу поступать точно так же?

Словом, вопросов больше, чем ответов, и доводы можно приводить самые «разнонаправленные». Но легенда о князе-мастере Святославе, конечно, хороша.

«Ныне отпущаеши...»

Последние годы жизни Святослав, согнанный с великого княжения племянниками, сыновьями брата Ярослава, тихо провел в своем Юрьеве-Польском — «в посте и молитвах, в чистоте и покаянии, в умилении и слезах, и всякими добрыми делы угождая Господу Богу...» Жена князя Евдокия уже давно, еще в молодые годы, упросила его отпустить ее в монастырь (согласно преданию, княгиня была дочерью свв. Петра и Февронии Муромских). Со Святославом оставался сын Дмитрий.

Скончался князь в 1252 году в день памяти Симеона Богоприимца и Анны пророчицы. «И много плакаша, — сообщает „Полный месяцеслов Востока“, — проводиша честно со свещами и кандилы, и положиша тело его в соборней церкви св. вмч. Георгия...» Спустя семнадцать лет в этом храме упокоились и останки Дмитрия Святославича. Гробницы князей пользовались народным почитанием, а в старинных святцах оба они, и Святослав, и Дмитрий, были записаны святыми.

Никон Радонежский

В Юрьеве-Польском — под сенью Георгиевского собора — родился и вырос преподобный Никон Радонежский, ученик прп. Сергия Радонежского и один из самых известных — после Сергия, разумеется, — игуменов Троицкой Лавры.



Икона прп. Никона Радонежского, написанная М. И. Дикаревым в 1900 году для церкви Мраморного дворца в Петербурге.

Согласно данным Жития, прп. Никон «рождение и воспитание имяше град, Юрьев зовом: сын родителю христиану, паче же благоверну и благочестием сиающу: от юнаж возраста и от младых ногтей изволи Богу работати». Еще в очень нежном возрасте он услышал о том, что неподалеку живет равноангельной жизнью игумен Сергий с братией, и пришел к нему, прося принять его в монастырь.

Преподобный Сергий, увидев перед собой почти мальчика, «голоуса суща», рассудил за лучшее испытать его и отослал к своему другу, преподобному Афанасию Высоцкому — «мужю добродетелну сущу и зело искусну иноческаго пребывания». Афанасий принял отрока «не гладостне, ниже сладце». На просьбу «сотворить его иноком» он сурово отвечал: «Не можеши», — и стращал пришлеца жестокостью монашеского жития. Никон в ответ только плакал и смиренно просил не прогонять его.

Испытав Никона «на прочность», прп. Афанасий все же совершил над ним постриг и некоторое время руководил его духовным возрастанием, «соблюдая его отечески». Когда же Никон пришел в совершенные лета, он благословил его принять священный сан и отпустил к прп. Сергию.

Второй игумен

«Добре пришел еси, чадо Никоне!», — встретил его игумен Радонежский и поставил служить братии, что тот исполнял со всяческим прилежанием, радуясь такой возможности. Радовался и Сергий, глядя на его житье.

В скором времени он повелел Никону «во единои келии с собою пребывати, яко да и причастника того сотворит деланий духовных восхождениа». Так Никон стал ближайшим учеником Сергия Радонежского.

Сергий готовил Никона к исполнению настоятельских обязанностей. И действительно, после кончины учителя прп. Никон принял на себя

бремя игуменства и самоотверженно нес его, неустанно заботясь о братии. Вскоре слава о его добром настоятельстве вышла за пределы монастыря. «И бе Никоново имя, — говорит агиограф, — яко священие некое, обносимо и всякими усты человечьскими хвалимо. И от прочих стран, градов же и весеи, мнози благоговеинии и благороднии прихождаху к нему, ползы ради».

Но не радость приносили святому похвалы. Он скорбел о том, что не может вести, как прежде, уединенное житие, и в конце концов решил оставить игуменство и подвизаться в безмолвии. Троицким монастырем управлял некоторое время вместо него прп. Савва, будущий основатель Саввино-Сторожевской обители.

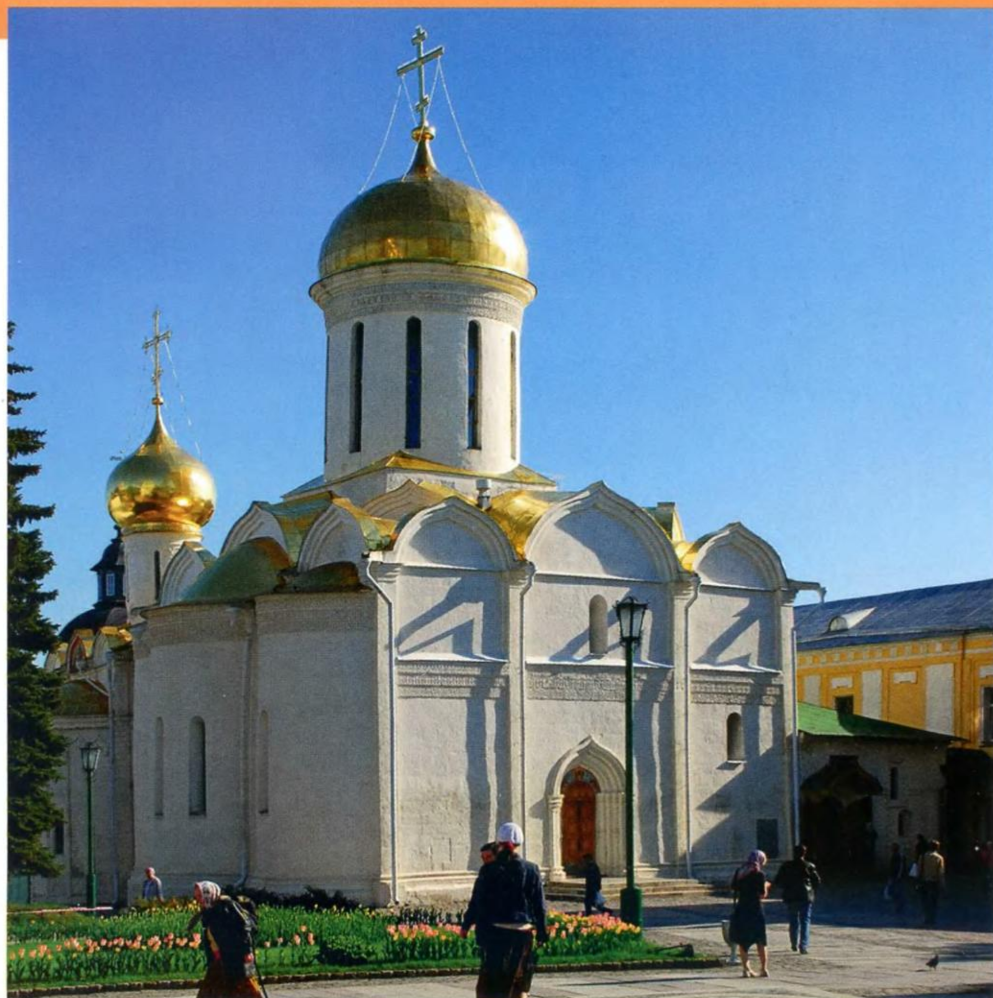
«Не скорби, но мужайся...»

Когда Савва ушел от Троицы, братия умолили Никона вновь быть у них настоятелем. Преподобный вынужден был согласиться, но теперь он отделял себе ежедневно некоторое время для безмолвия и молитвы.

В 1408 году монастыря достиг слух, что в русские пределы вторгся хан Едигей. Преподобный Никон встал на молитву. И в тонком сне ему явились святители Московские Петр и Алексий, а с ними преподобный Сергий, предупредившие его о разорении обители. Но еще они пообещали, что место сие не запустеет, и монастырь возродится.

▼ Икона Пресвятой Троицы — самое знаменитое произведение Андрея Рублева.





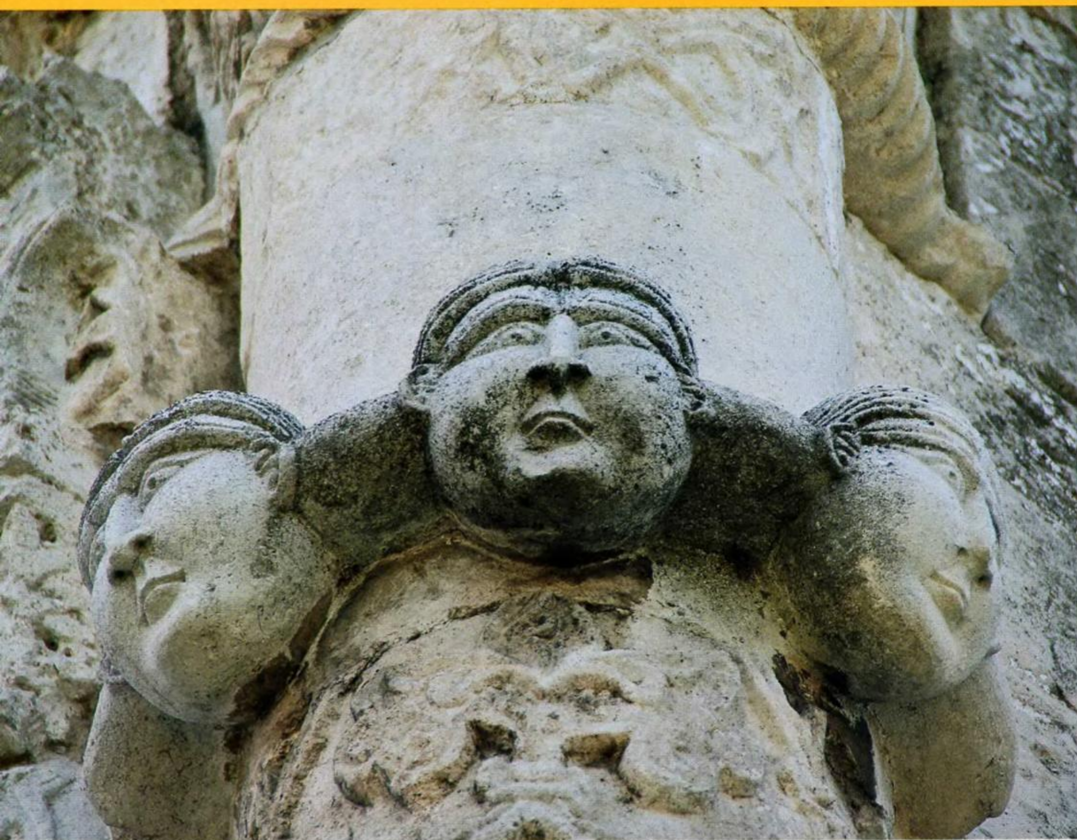
▲ *Лаврский собор Троицы Живоначальной, выстроенный попечением прп. Никона. При строительстве собора были обретены мощи преподобного Сергия.*

Перед приходом Едигея иноки скрылись в леса, забрав святыни и келейные вещи. Вернуться им предстояло на пепелище. Но Никон твердо помнил обращенные к нему слова Петра, Алексия и Сергия: «Ты же, чядо, не скорби: но мужаися и да крепится сердце твое», — и ревностно взялся за восстановление обители. В 1411 году вырос новый деревянный храм во имя Троицы Живоначальной, а через некоторое время игумен приступил к строительству каменной церкви над гробом преподобного Сергия. И здесь братию ждала великая радость: когда копали рвы под фундамент, обрели нетленные мощи основателя Троицкого монастыря. Было это в 1422 году.

«Изыди, душе моя...»

Строить каменный собор Никон пригласил «отвсюду зодчиа и каменосечца мудры и плинфотворителя», а украшали его прпп. Даниил Черный и Андрей Рублев. Тогда-то Андрей Рублев и написал дивную икону Пресвятой Троицы, являющуюся символом древнерусского искусства — и, добавим, древнерусской святости. Сквозь икону эту действительно что-то просвечивает, она являет собой не только недостижимо-высокий шедевр иконописи, но предельную богословскую высоту. Когда-нибудь, Бог даст, нам придется поговорить о рублевской «Троице» подробнее, но сейчас, увы, за недостатком места мы не можем с должным вниманием отнестись к этому «откровению художественного Боговидения».

После постройки собора игумен Никон недолго потрудился на земле. 17 ноября 1426 года, он, напутствовав братию и причастившись Святых Таин, мирно отошел ко Господу со словами: «Изыди, душе моя, идеже ти уготовася: поиди радующеся, Христос зовет тя». Погребли преподобного рядом с его учителем, мощи его почивают под спудом по сей день.



Пока «белокаменную книгу» Георгиевского собора еще можно читать…

Гордость и боль

Читатель, должно быть, удивится — но Георгиевский собор не включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Это весьма огорчительно, ведь древний памятник нуждается в срочных мерах по его сохранению.

Юрьев-Польский не избалован туристическими или паломническими потоками. Входя в Золотое кольцо, он остается на обочине основных магистралей, по которым проносятся комфортабельные автобусы, следующие во Владимир и Суздаль — туда, где памятники сконцентрированы гуще, а развлекательно-познавательная инфраструктура развита не в пример лучше, чем в Юрьеве-Польском.

Но всякий, кто попадает в этот городок, ощущает его приветливость и несколько флегматическое радушие. Торговая площадь, засиженная голубями не хуже какой-нибудь венецианской piazza San Marco, деревянные шатры монастырских башен, палисадники с вечными колокольцами душистого табака — все это только пролог к главному чуду, своего рода сени. Пройдя через них, мы выходим на небольшую травянистую площадку, а посредине ее стоит, как будто испокон веку дожидаясь нас (а так оно и есть, и это вовсе не повод для самомнения — каждый храм ждет каждого человека), Георгиевский собор.

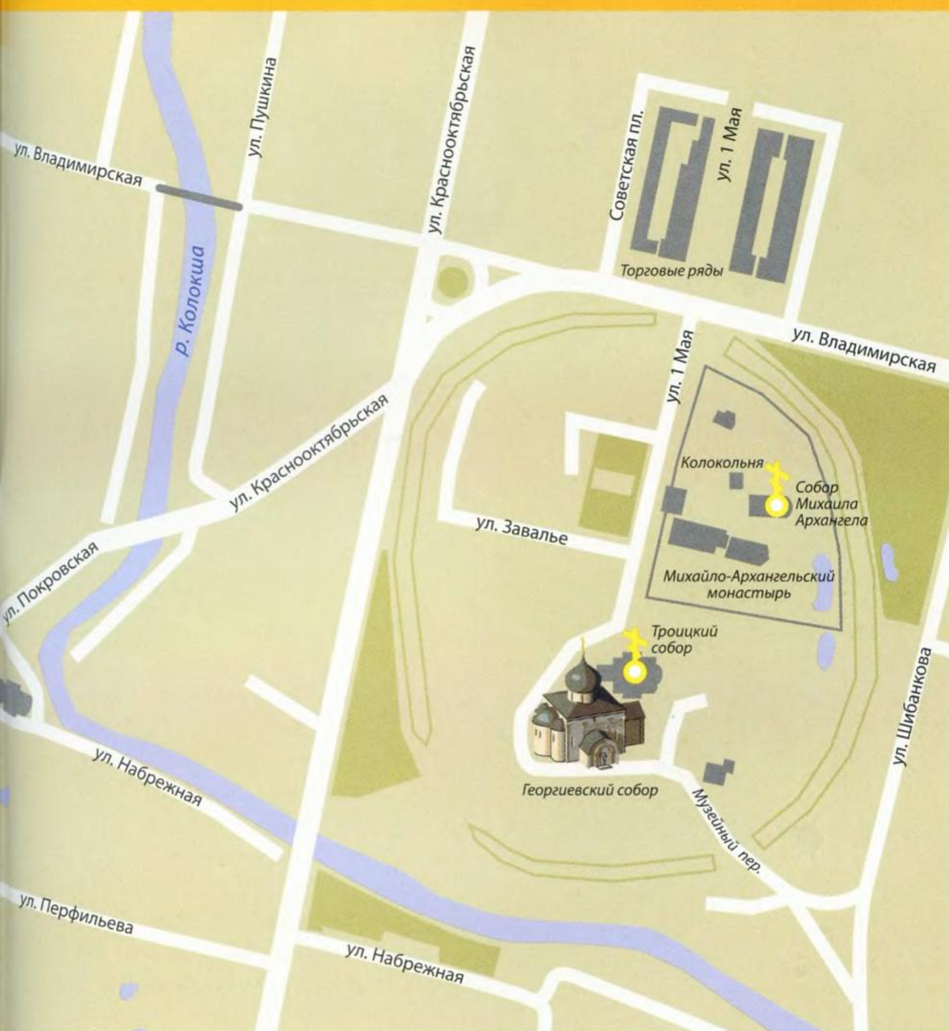
В нем давно уже нет полноценной богослужебной жизни, он относится к музею, но поклониться Святославову кресту вам никто не возбранит, а музейные работники с редкой доброжелательностью расскажут о соборе все, что знают. А знают они много, им есть что рассказать.

Вот только рассказы эти, если они коснутся современности, будут нерадостны.

Дело в том, что Георгиевский собор, выглядящий, на первый — непросвещенный — взгляд, вполне неплохо (то есть примерно так, как должна выглядеть, в нашем обывательском представлении, постройка XIII века), находится в тяжелейшем состоянии. Его резьба постепенно «истаивает». Тревога научного сообщества растет год от года, а какие-то реставрационные шаги если и предпринимаются, то не весьма доброкачественного свойства — и всё из-за системы тендеров, в рамках которой предпочтение часто получают не те, «кто лучше», а те, «кто дешевле». Ну и плюс давняя русская болезнь, озвученная еще Карамзиным в его кратчайшем диалоге с князем Горчаковым…

По большому счету, не очень понятно, что происходит с собором. Реставраторы полагают, что виной всему вода. Л. И. Лившиц, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, объясняет: «Памятник в Юрьеве-Польском сейчас страдает от подсоса воды: идет мощное движение солей, которые разрушают камень».

Такова основная версия. Но для ее подтверждения необходимы серьезные исследования архитекторов, реставраторов, химиков, геологов, по результатам которых будет утвержден план реставрации. Музейные работники, общественность Юрьева-Польского, ведущие реставраторы страны — все бьют тревогу,



Справочная информация

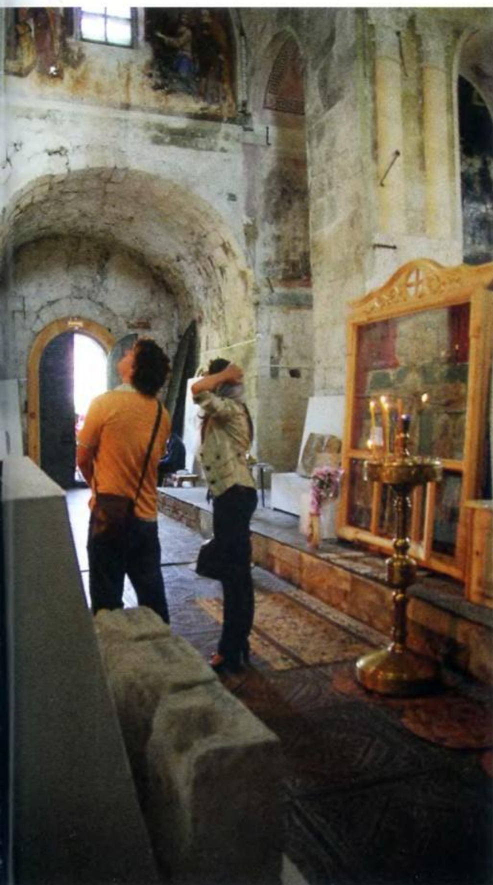
Георгиевский собор относится к Юрьев-Польскому архитектурно-историческому и художественному музею. Режим работы музея: ежедневно с 9:00 до 17:00, кроме вторника и последней пятницы каждого месяца. В понедельник музей открыт до 14:30.

Контакты

Адрес: 601800, Россия, Владимирская обл., г. Юрьев-Польский, ул. 1 Мая, д. 4
Телефон: +7 (49246) 2-28-48

Как добраться

В отсутствие личного транспорта добираться до Юрьева-Польского не слишком удобно. Железнодорожный способ весьма извилист (разве только из Александрова можно воспользоваться). Из Москвы в Юрьев-Польский отправляются 3—4 автобуса в день с центрального автовокзала. Время в пути — около четырех часов. Из Владимира автобусы ходят 5—6 раз в день. Полезный телефон: +7 (49246) 2-21-53 (автостанция Юрьева-Польского). На машине кратчайший путь из Москвы — по Щелковскому шоссе (А-103) через Черноголовку, Киржач и Кольчугино. С Владимиром город соединяет дорога Р-74, которая далее уходит на Переславль-Залесский. Всё великокняжеские маршруты.



криком кричат, но возникает такое ощущение, что (как бывает в страшных снах) крик беззвучен. И все это несмотря на собранные подписи в защиту древнгео храма, радение людей, неравнодушных к архитектурному наследию старины, но не имеющих влияния на «сильных мира сего», от воли которых, увы, и в наше время зависит почти все...

Директор Юрьев-Польского архитектурно-исторического и художественного музея Н. А. Егорова скорбит: «Собор — наша гордость и наша боль. Если на церкви Покрова на Нерли немного белокаменных рельефов, на Дмитриевском во Владимире — чуть больше, то у Георгиевского собора стены украшены резными рельефами от подошвы до самого верху. Это белокаменная книга, величина богословской мысли. А мы можем его потерять».

«Туристы-дикари» заглядывают в Юрьев-Польский, пожалуй, чаще организованных групп.

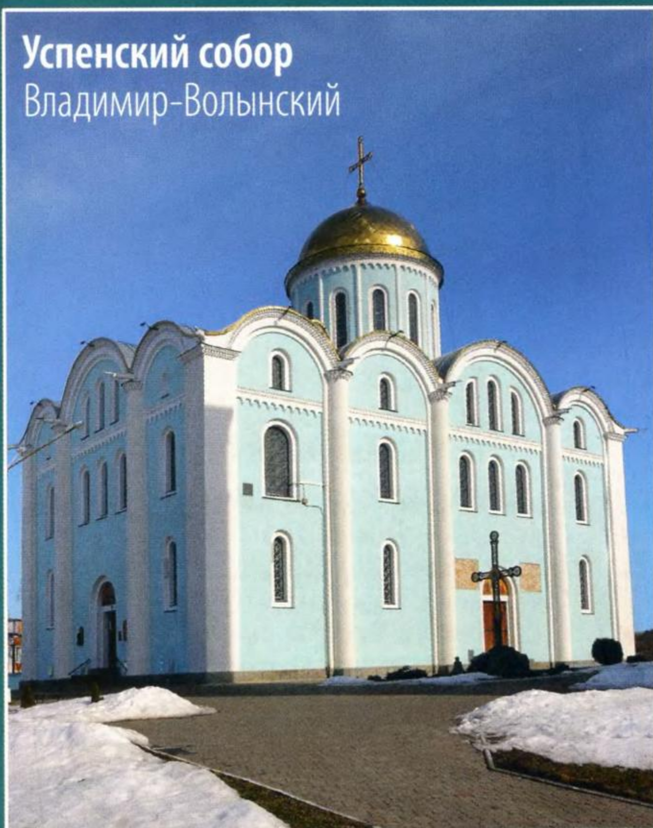
И напоследок. Во Владимирской области около 4000 памятников архитектуры и истории. Более половины из них находятся «в плохом и очень плохом» состоянии. А ведь это центр России, Золотое кольцо...

Вот такая она, улица 1 Мая.



НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Успенский собор, Владимир-Волынский



В старинном украинском городе Владимире-Волынском есть большой собор. Сменяются поколения, строятся и разрушаются здания, а этот храм по-прежнему стоит, в его стенах совершается литургия. Уже более восьми с половиной столетий насчитывает история собора в честь Успения Божией Матери, древнейшей сохранившейся постройки Волынской земли.

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!



16+